
Вотчинные монастыри русского Средневековья: Булгаков монастырь в Великом княжестве Рязанском

Андрей Бондаренко, Олег Хоруженко

Allodial monasteries of the Russian Middle Ages: Bulgak Monastery in the Grand Duchy of Ryazan

Andrei Bondarenko, Oleg Khoruzhenko

(both – Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences, Moscow)

DOI: 10.31857/S2949124X23040028, EDN: HLQURB

Как отмечал С.Б. Веселовский, «большинство старых, прославленных монастырей» могло гордиться «каким-нибудь известным русским князем или высокочтимым подвижником, причисленным к лику святых, как своим основателем». Обитатели, основанные менее знаменитыми ктиторами, не получили такой известности. Какую-то долю во множестве небольших монастырей составляли вотчинные. Часто вотчинники, «чтобы иметь своё богомолье и богомольцев, своего духовника и родовую усыпальницу с неукоснительным поминанием погребённых в ней лиц», основывали такие монастыри в своих владениях¹. Назначение и смещение настоятелей вотчинных монастырей, очевидно, являлось прерогативой церковных властей. Однако можно предположить, что, как и при рассмотрении кандидатур священников приходских церквей, находившихся в вотчинах, воля землевладельца являлась решающей². Культурные функции вотчинных богомолий не ограничивали права собственности, т.е. эти монастыри могли быть проданы, куплены, завещаны, обменены, даны в приданое за невестой или вкладом в монастырь. Ниже приведём несколько примеров.

«На Городище монастырь Никола» был *куплей* угличского князя Андрея Васильевича Большого; кто выступил продавцом — неясно³. Воскресенский монастырь у деревни Хлябово в 1504 г. принадлежал роду митрополичьих детей боярских Чёртовых. В 1510/11 г. И.М. Чёртов с сыновьями *продал* село Хлябово с деревнями, селищами «да монастырь того ж села Воскресение Христово» Ф.Н. Бутурлину (послухами выступили другие представители рода Чёртовых-Шолоховых). В 1512 г. Ф.Н. Бутурлин *продал* этот вотчинный комплекс, включая монастырь, митрополиту Московскому и всея Руси Варлааму⁴. Объектом *дарения* выступил «монастырь Николы Чюдотворца Мерединсково» в селе Овсянниково в Стародубе Ряполовском — князь Ф.И. Кривоборский (упоми-

---

© 2023 г. А.А. Бондаренко, О.И. Хоруженко

¹ Веселовский С.Б. Исследования по истории класса служилых землевладельцев. М., 1969. С. 177, 178.

² См. исследование истории приходского духовенства, позволяющее предложить обоснованные аналогии: Стефанович П.С. Приход и приходское духовенство в России в XVI–XVII вв. М., 2002.

³ Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV — начала XVI в. (далее — АСЭИ). Т. III. М., 1964. № 79. С. 112. Куплю следует датировать периодом с 1465 г., когда князь Андрей занял свой удел, до 1491 г. — не позднее этой даты Никольский монастырь поступил от него вкладом в угличский Покровский монастырь.

⁴ Акты феодального землевладения и хозяйства XIV–XVI вв. (далее — АФЗХ). Ч. I. М., 1951. № 58. С. 67–68.

нается в 1576–1590 гг.) *пожаловал* его с иными вотчинами супруге⁵. Князю И.Ю. Патрикееву принадлежала «Заяузская слободка с монастырем с Кузмодемьяном», которые он около 1498 г. *завещал* жене и сыновьям⁶.

Родовой монастырь Квашниных-Тушиных — Спасо-Преображенский на Всадне (упоминается в 1390 г.) — на протяжении XIV–XVI вв. последовательно выступал объектом в духовных и деловых грамотах представителей рода. Он был *дан в приданое* за С.Ф. Тушиной, вышедшей замуж за князя П.И. Телятевского. В 1569/70 г. княгиня С.Ф. Телятевская дала его *вкладом* в Троице-Сергиев монастырь⁷. Вотчинный «монастырь Велики Егорьи», принадлежавший Пешковым-Сабуровым, около 1485–1486 г. фигурировал, наряду с другими вотчинами, в деловой грамоте⁸. В 1529 г. при *разделе* родовых вотчин между князьями К.А. и Ф.А. Кемскими «Троица, манастырек без пашни», достался князю Константину, с тем чтобы «княж Федоровым крестьяном приходи к Троице по старине»⁹.

15 февраля 1454 г. П.К. Добрынский *дал* московскому митрополиту Ионе свой монастырь св. Саввы в Москве на посаде и ряд иных вотчин¹⁰. Саввин монастырь был родовой вотчиной — послухами данной грамоты выступили родственники Добрынского, что страховало митрополита от перспективы родового выкупа. Грамоту подписали Ф.А. Белеутов, «братанич» вкладчика Е.В. Гусев и сын вкладчика С.П. Добрынский. Общим предком П.К. Добрынского и Ф.А. Белеутова был дед Петра Константиновича, которому, вероятно, и принадлежал в конце XIV в. Саввин монастырь.

Между 1470 и 1491 гг. угличский князь Андрей *дал вкладом* в угличский Покровский монастырь свою куплю, Никольский Городищенский монастырь¹¹. В 1599/1600 г. княгиня Мария Кривоборская *дала вкладом* в суздальский Спасо-Евфимьев монастырь село Овсянниково в Стародубе Рязоловском с деревнями и «монастырем Николы Чюдотворца Мерединсково», уже оскудевшим к тому времени «от мору». Условием вклада княгиня М. Кривоборская назвала возобновление монастыря¹², что, впрочем, выполнено не было.

Сведений о пожалованиях функционирующих монастырей в вотчину или временное владение в Московской Руси источники не содержат. Но в Великом княжестве Литовском, где широкое распространение получили институты светского патроната над церковными учреждениями и инвеституры духовенства¹³, это практиковалось достаточно широко. Здесь монастыри свободно передавались великими князьями в «поданье», «держание», «опеку и оборону»

⁵ Акты суздальского Спасо-Евфимьева монастыря 1506–1608 гг. М., 1998. № 256. С. 483.

⁶ Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV–XVI вв. (далее — ДДГ). М.; Л., 1950. № 86. С. 348.

⁷ *Веселовский С.Б.* Исследования по истории... С. 266–267, 268–269, 279–281.

⁸ АСЭИ. Т. III. № 231. С. 252–253, 608.

⁹ Акты юридические, или собрание форм старинного делопроизводства. СПб., 1838. № 264. С. 277.

¹⁰ АФЗХ. Ч. 1. № 29. С. 48–49.

¹¹ АСЭИ. Т. 3. № 79. С. 112.

¹² Акты суздальского Спасо-Евфимьева монастыря... № 256. С. 483.

¹³ Наиболее обстоятельные работы в отечественной историографии по этому вопросу: *Владимирский-Буданов М.Ф.* Церковные имущества в Юго-Западной России XVI века // Архив Юго-Западной России. Ч. VII. Т. IV. Акты о землевладении в Юго-Западной России XV–XVIII вв. Киев, 1907. С. 3–224; *Флоря Б.Н.* Исследования по истории Церкви. Древнерусское и славянское Средневековье. М., 2007.

мирянам. Иногда передача обителей и приходских церквей в руки светских лиц санкционировалась архиереями Западнорусской (Киевской) митрополии. Получая во владение монастырь на срок, установленный грамотой великого князя («до воли и ласки», «до живота», «до двух животов», «вечно»), новый собственник приобретал права по управлению обителью, распоряжению её движимым и недвижимым имуществом, а зачастую и право самостоятельного поставления игумена или архимандрита. Например, в 1507 г. гетман Великого княжества Литовского кн. К.И. Острожский получил в пожизненное распоряжение Жидичинский Никольский монастырь с правом «архимандрита з своее руки там давати»¹⁴. В 1510 г. «в поданье» великой княгине литовской Елене Ивановне передали монастырь св. Троицы в Вильне. Дочь Ивана III могла единолично назначать архимандрита обители без согласования с митрополитом и великим князем: «Мае ея милость обирати архимандрыта к тому манастыру и подавати тому, кому будет воля ея милости, а нам ся в то, ани митрополиту не вступати»¹⁵. Перечень подобных примеров можно существенно расширить.

Являясь частью того или иного вотчинного комплекса, в случае смены его владельца западнорусские монастыри, как и другие церковные учреждения, также меняли патрона. Новый собственник приобретал от «предка» по землевладению все прерогативы в отношении обители. В 1543 г. князья Сангушковици совершили земельный обмен с королевой Боней Сфорца, передав ей свои вотчинные владения в Ковельском повете «с церкви Божиими и с подаваньи церковными»¹⁶. В дальнейшем королева и её урядники выдавали ставленные и дозволенные листы местному духовенству, включая опекунов и игуменов Свято-Троицкого монастыря «в месте Ковельском» (в селе Вербка) — обители, основанной князьями Сангушковичами¹⁷. Стремление литовских землевладельцев к независимому управлению вотчинными церковными учреждениями зачастую приводило к прямым конфликтам с церковной властью. Например, известен судебный процесс 1506 г. между владыкой Туровской и Пинской епархии Вассианом и князьями Ярославичами, которые основывали в своей вотчине церкви «без воли и без благословенья» епископа и назначали в них священников, «выймуочи их с послушенства владычного»¹⁸.

В 1544 г. митрополит Макарий II жаловался Сигизмунду I Старому на вдову князя Ю.С. Слуцкого Алёну из-за того, что она приказывала своим урядникам «у sprawy духовный вступоватися, и попов судити, и в казнь замковую сажати, и вины брати, и мужов з жонами роспушати и роспусты брати», а кроме того, «иж архимандрита з моцы и з права их (митрополита. — *Авт.*) духовного выймуешь и не кажешь ему к праву ся становити». По указанию княгини Слуцкой архимандрит слуцкого Свято-Троицкого монастыря Никандр неоднократно игнорировал повестки в митрополичий суд, после чего даже был

¹⁴ Lietuvos Metrika. Knyga Nr. 8 (1499–1514). Užrašų knyga 8 / Parengė A. Baliulis, R. Firkočius, D. Antanavičius. Vilnius, 1995. № 288. P. 239–140.

¹⁵ Ibid. № 475. P. 345–346.

¹⁶ Archiwum książąt Lubartowiczów Sanguszków w Sławucie. T. IV (1535–1547). Lwów, 1890. № CCLXXVI. S. 341.

¹⁷ Бондаренко А.А. Хронологический перечень грамот королевы Боны Сфорца православному духовенству Великого княжества Литовского (1523–1556 гг.) // Вестник Екатеринбургской духовной семинарии. 2018. № 4(24). № 18. С. 139; № 26–33. С. 141.

¹⁸ Акты, относящиеся к истории Западной России, собранные и изданные Археографическою комиссиею. Т. II (1506–1544). СПб., 1848. № 109. С. 134–135.

заочно отстранён от служения (Макарий II «выдал на него неблагословенье» «за непослушество»)¹⁹. В 1549 г. княгиня А.С. Острожская присвоила часть доходов Пинской и Туровской епархии и запретила духовенству церковью г. Турова подчиняться новому епископу Вассиану («попом послушным его быть не велишь»)²⁰.

* * *

Факторами, влияющими на жизнеспособность вотчинных монастырей, являлись финансовое благополучие ктитора-вотчинника и/или известная хозяйственная самостоятельность обители. Монастыри, находившиеся на полной денежной либо натуральной руге, сильнее зависели от своего патрона, чем те, которые обладали собственными ресурсами. Источники фиксируют разные варианты «вотчинного содержания» обителей. Г.А. и Б.А. Петровы, совладельцы вотчинного «монастыря Великий Никола» на реке Шахе у села Высоковского в Юрьевском уезде, «вопче» содержали «попа» (вероятно, чёрного священника). Последний пользовался выделенными ему лугом, пашнями, двором, гумном и огородами²¹. Княгиня А. Шехонская с детьми давала в свой Никольский монастырь на Шексне «двадцать рублей ноугородьских да десять ходячих». Судя по всему, Никольский монастырь мог также пользоваться без «пошлины» рядом земель и угодий, принадлежавших вотчиннице²². После того как Никольский монастырь поступил вкладом в Троице-Сергиев, Шехонскую освободили от денежной руги, но ей пришлось закрепить в грамоте переход в собственность Никольскому (а фактически Троице-Сергиеву) монастырю используемых им земель и угодий.

В качестве примера успешного развития вотчинного монастыря С.Б. Веселовский привёл костромской Ипатьев монастырь, основанный во владении Зерновых-Сабуриных и ставший крупным землевладельцем²³. Напротив, Спасский монастырь на Выходне, принадлежавший Квашниным, пришёл в полный упадок²⁴. В подобных случаях, «если представлялась возможность образовать из окрестных селений приход и обеспечить таким путём существование причта, то монастырь, по распоряжению церковных властей, превращался в приходский храм. Но нередко монастырь пустел совсем и порастал бьельём, да так, что от него оставался след только в старых актах, без возможности выяснить место, где он находился»²⁵.

Веселовский не привёл примеров полностью запустевших обителей, но этот пробел можно отчасти заполнить: по писцовым материалам XVII в. ряд таких монастырей выявил В.В. Зверинский. «Пустошь, что бывал Александровский монастырь, на ручье на Ворнике» в Тверском уезде близ села Городни

¹⁹ Там же. № 230. С. 397.

²⁰ РГАДА, ф. 389, оп. 1, кн. 102, л. 39 об.—40.

²¹ Акты служивших землевладельцев XV — начала XVII века (далее — АСЗ). Т. I. М., 1997. № 7. С. 14.

²² АСЭИ. Т. I. М., 1952. № 102, 103. С. 82—84.

²³ *Веселовский С.Б.* Исследования по истории... С. 179—180.

²⁴ Там же. С. 179, 268, 280, 284. На момент вклада в Троицу (1569/70 г.) во Выходненском монастыре имелись каменные строения: два храма (Преображенский и Андрея Стратилата), ограда (53 сажени, т.е. около 115 м) и ворота (Там же. С. 279). В 1938 г. С.Б. Веселовский ещё наблюдал на месте Выходненского монастыря «несколько надгробных плит, глубоко ушедших в землю, и на подмываемом р. Москвой высоким берегу... фундаменты стен» (Там же. С. 280).

²⁵ Там же. С. 178—179.

в 1626–1629 гг. была в поместье за И.А. Дурасовым²⁶. «Пустошь Богословская, что бывал монастырь Иоанна Богослова», располагалась в Переславском уезде и в 1685 г. принадлежала крестьянам села Дубровиц. В Мосальском уезде в 1676 г. среди пустовых церковных земель значилась «Бориса и Глеба церковная земля, что был монастырь»²⁷. Безусловно, этот перечень не может претендовать на полноту.

* * *

В платёжной книге стана Старая Рязань 1594–1597 гг. упоминается «деревня Булгакова Монастырь», принадлежавшая вдове Ульяне Ильиной жене Шестакова с детьми²⁸. В писцовых материалах XVII в. также указывается это поместье Шестаковых (как село – в 1629–1630, 1639 и 1646–1647 гг., как сельцо – в 1629–1630 и 1672 гг.). Источники позволяют локализовать село (сельцо, деревню) Булгаков Монастырь на речке Инокше, в межах с селом Карабугино²⁹.

Карабугино легко находится на современной карте³⁰; оно расположено на левом берегу реки Инкаш – так теперь называется Инокша. Исток Инокши находится в 1 км южнее деревни Фёдоровка Шацкого района Рязанской обл., река течёт на север. Выше деревни Волковое Инокша вбирает правый приток ручей Контель (ныне Любашкин), а ниже – левый приток ручей Волондель (ныне Волдынь). В нижнем своём течении река называлась в источниках Большая Инокша. Приняв левый приток Малую Инокшу, Большая Инокша впадает в Тынорец (ныне Тырница, правый приток Оки). Длина водотока Инокши 22 км.

Название Инокша стоит в одном ряду с широко распространёнными в финно-угорском ареале гидронимами на *-кша* (Молокша, Окша, Акша и т.д.); этот элемент означает 'ветвь', 'приток'³¹. Подобные названия широко представлены в этом регионе. *Ино-* в этом гидрониме – 'большой'³². Изменения в гидронимии, вероятно, связаны с картографическими работами, проводившимися в Рязанской губ. под руководством генерал-лейтенанта А.И. Менде во второй четверти XIX в. На его карте село Карабухино расположено на левом берегу реки Волдень, ручей *Контель* стал «р. Мал. Инкышъ», река *Малая Инокша* – рекой Инкыш, а ручей Волондель вовсе не был обозначен. Название реки Инокши в своей исторической форме ещё встречается в печатных изданиях второй половины XIX – начала XX в., но возобладали и стало официальным новообразование Инкаш. Так река значится и в Государственном водном реестре РФ.

²⁶ Зверинский В.В. Материал для историко-топографического исследования о православных монастырях в Российской империи. Т. 3. СПб., 1897. № 1367. С. 13. Как отмечал Зверинский, при Генеральном межевании «от м[онасты]ря сего оставались только разбросанные камни и выложенные в земле столбы».

²⁷ Там же. № 1427. С. 27; № 1446. С. 31–32.

²⁸ Писцовые книги Рязанского края. XVI век. Т. 1. Вып. 1. Рязань, 1898. С. 245 (РГАДА, ф. 1209, оп. 1, кн. 396, л. 750 об.).

²⁹ Предварительные наблюдения см.: Бондаренко А.А., Хоруженко О.И. Булгаков Успенский монастырь в писцовых материалах XVI–XVII веков // Источниковедение в современной медиэвистике. Сборник материалов Всероссийской научной конференции. М., 2020. С. 66–69.

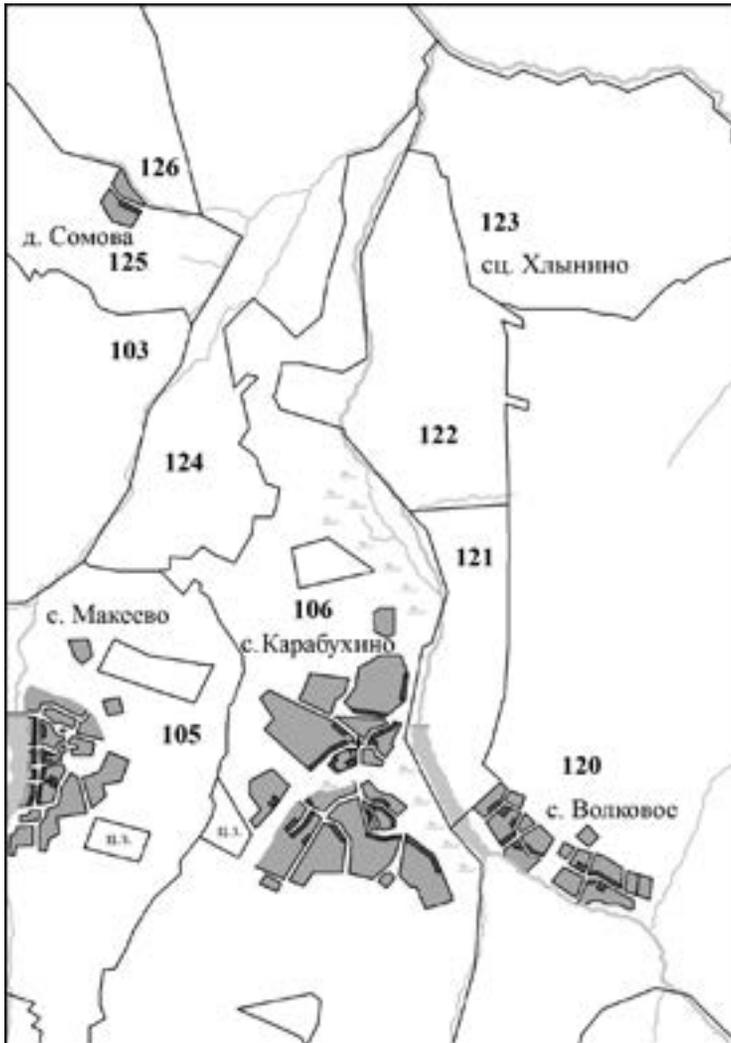
³⁰ Ныне село Карабухино в Путятинском районе Рязанской обл.

³¹ Поспелов Е.М. Метод географических терминов в анализе субстратной топонимии Севера // Местные географические термины. М., 1970. С. 98–99. (Вопросы географии. Сб. 81).

³² Кузнецов С.К. Русская историческая география: курс лекций, читанных в Московском археологическом институте в 1907–1908 г. Вып. 1. М., 1910. С. 122; Муллонен И.И. Топонимия При-свирья: проблемы этноязыкового контактирования. Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Йошкар-Ола, 2000. С. 31.

По Плану Генерального межевания Сапожковского уезда и Экономическим примечаниям к нему на реке Инокше обнаруживаются село Карабухино и отделённая от него рекой пустошь Булгакова – так к 1774 г.³³ называлось бывшее сельцо Булгаков Монастырь.

**План Генерального межевания Сапожковского уезда
(фрагмент, прорисовка)**

Цифрами обозначены: 103 – пус. Кудрино; 105 – с. Максеево; 106 – с. Карабухино; 120 – с. Волковое; 121 – пус. Булгаково; 122 – пус. Миснево; 123 – с.д. Хлынино; 124 – пус. Занцова; 125 – д. Сомова; 126 – пус. Сомова.

³³ Межевание Рязанской губернии проводилось в 1770 – начале 1780-х гг. (Миров Л.В. Исследование об «Экономических примечаниях» к Генеральному межеванию. М., 1965. С. 129–130). Сапожковский уезд в интересующей нас части межевался в июне–сентябре 1774 г.

Пустошь Булгаково (121) размещалась вдоль реки Большой Инокши, занимая около 1,8 км её правого берега и удаляясь от русла на 300–500 м. С севера по ложине Ежовой она граничила с пустошью Миснево (Мачнево, Маснево, 122), составлявшей с ней единый поместный комплекс. С востока и юго-востока к Булгакову примыкали земли села Волкового (120), с запада, на левом берегу Большой Инокши – село Карабухино (106). В настоящее время территория пустоши относится к селу Карабухино. По северной её границе (исчезнувшая ложина Ежовая) теперь проходит федеральная автомобильная дорога М5 «Урал». На северном участке имеется несколько хозяйственных строений, основная площадь пустоши занята под распашку. Рельеф этой местности не позволяет усмотреть какие-то следы прежних построек³⁴.

* * *

Название Булгаков Монастырь явно восходит к экклезиониуму (наименование культового учреждения). Полные («официальные») названия монастырей, как правило, складываются в разных комбинациях из родового определения (монастырь, пустынь), посвящения главного монастырского храма, имени основателя, топонима, указывающего на местоположение обители. Редуцированные именованные, чаще применяемые в речи, включают неполный состав этих компонентов³⁵.

Рассматриваемый экклезионим явно редуцирован: он состоит из родового определения и, методом исключения, посессива имени основателя – Булгаков. Имя основателя, в том случае, когда им являлся кто-либо из почитаемых преподобных, как правило, легко вычлняется из экклезионима и интерпретируется без особого труда. Сложнее с именами мирян – ктиторов и патронов: для потомков они становятся малозначимыми и либо сокращаются, либо интерпретируются фантазийно. К последней модели следует отнести истолкования элементов Берлюковский, Бобренёв, Оптин в качестве имён разбойников, каким-то образом (порой совершенно косвенным) связывающихся с начальной историей обителей³⁶. Явной натяжкой выглядит и версия о Лютике как зодчем, строившем Троицкий Лютиков монастырь у Перемышля³⁷ – подобный элемент в экклезионимах не встречается.

В других экклезионимах имя ктитора-мирянина опознаётся или может быть опознано с достаточной степенью уверенности – это лица, чья роль в качестве ктитора или патрона монастыря, или хотя бы само существование за-

---

³⁴ Хорошо просматриваемые на космоснимках «валы» вокруг коровников достигают высоты 1,5–2 м, но они недавнего происхождения – образованы отходами животноводства. Авторы выражают глубокую благодарность Д.С. Немцеву за организацию полевых наблюдений.

³⁵ *Арина Е.П.* Содержательное и структурное своеобразие русских экклезионимов в типологическом аспекте. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Самара, 2008. С. 7–8; *Бугаева И.В.* Язык православной сферы: современное состояние, тенденции развития. Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М., 2010. С. 35; *Шмельёва Т.В.* Названия монастырей в новгородском ономастиконе // Вопросы ономастики. 2020. Т. 17. № 2. С. 188.

³⁶ *Нил (Сафонов), иером.* Исторический очерк Николаевской Берлюковской пустыни. М., 1889. С. 4–5; *Зверинский В.В.* Указ. соч. Т. 2. СПб., 1892. № 1025. С. 253; № 1026. С. 254. Источники широко представленных в сети Интернет легенд о разбойниках Бобрене и Терехе (в связи с Бобренёвым и Тереховым монастырями) обнаружить не удалось. Отмеченная в литературе версия об основании Бобренёва монастыря Дмитрием Михайловичем Боброком-Волынским (*Зверинский В.В.* Указ. соч. Т. 1. СПб., 1890. № 45. С. 87) также не представляется убедительной – переход *Боброка* в *Бобрена* невозможен.

³⁷ *Зверинский В.В.* Указ. соч. Т. 2. № 915. С. 201.

фиксировано иными источниками. Так, тверской Пречистенский Шегонин на Ивонише монастырь (Иванижский, Иваницкий, Ванишский Успенский)³⁸ сохранил в названии имя патрона — тверского дворецкого, видного деятеля при Василии III Ивана Юрьевича Шигоны Поджогина. При этом связь Шегонина монастыря с Шигоной Поджогиним долго оставалась только предположением, основанном на созвучии, пока в 1859 г. не была обнаружена, а в 1997 г. опубликована духовная грамота Шигоны 1541/42 г.³⁹ Здесь Успенский монастырь именуется «нашим», т.е. вотчинным; упоминается, «что к тому монастырю земель дали наши прародители». Отсюда понятно, что обитель являлась родовой, а Шигона — не ктитором-основателем, а патроном, который, не имея наследников мужского пола, отписал ей значительные родовые вотчины.

Связь имени ктитора или патрона обители с её названием редко может быть установлена по иным источникам, для XVI в. такие случаи единичны. Пожалуй, в этой связи можно упомянуть лишь «Пустынский манастыр пана *Александров* (курсив наш. — *Авт.*)» — под этим названием в 1506 г. фигурировал основанный в конце XV в. А.И. Ходкевичем Супрасльский Благовещенский монастырь⁴⁰. Не закрепилось название «Федосьевой пустыни *Вердеревских* (курсив наш. — *Авт.*), что на Велне озере»⁴¹. В названии Покровской *Арафениной* пустыни на Куцком озере имя Аграфена должно относиться к основательнице обители. Но следует ли таковой считать первую настоятельницу Агриппину Глебову⁴² или великую княгиню рязанскую Аграфену Васильевну, щедрую (возможно, первую) вкладчицу в пустынь⁴³, — неясно.

Попытаемся идентифицировать Булгака, чьё имя (прозвание) закрепилось сначала в названии монастыря, а затем — пустоши. Булгак — тюркизм, усвоенный в русских говорах, по данным С.Б. Веселовского и Н.А. Баскакова, в значении 'баламут, склочник'. В качестве прозвания он получил широкое распространение в различных слоях населения, став основой для фамилии, которую носили несколько родов, не связанных общим происхождением⁴⁴. Между тем форма *булгак* в указанном значении словарям неизвестна, хотя они фиксируют близкие по смыслу и звучанию слова *булга* / *булгатня* ('шум, ссора'), *булгатень* / *булгатник* / *булгач* ('зачинщик ссоры'), *булгатить* / *булгатничать* / *булгачить* ('тревожить, будить'), *булгатный* / *булгачливый* / *булгачный* ('беспокойный')⁴⁵. Собственно *булгак* также встречается в словарях, но в несколько ином значении — 'мятеж, бунт'⁴⁶.

³⁸ Там же. № 1314. С. 387.

³⁹ *Преображенский В.А.* Остатки монастырей в Твери и окрестностях её // Тверские губернские ведомости. 1859. № 23. Часть неофиц. С. 70–71; *Маштафаров А.В.* Духовная Ивана Юрьевича Поджогина 1541 года // Русский дипломатарий. Вып. 1. М., 1997. С. 34–37.

⁴⁰ Акты, относящиеся к истории Западной России. Вып. 1. М., 2018. № 19. С. 51.

⁴¹ *Зверинский В.В.* Указ. соч. Т. 3. № 1409. С. 24.

⁴² *Строев П.М.* Списки иерархов и настоятелей монастырей Российской церкви. СПб., 1877. Стб. 430. Здесь Агриппина значится основательницей обители и её первой игуменьей в 1523–1540 гг.

⁴³ АСЭИ. Т. III. № 346. С. 371–372. В этом документе уже упоминается игуменья Аграфена.

⁴⁴ *Баскаков Н.А.* Русские фамилии тюркского происхождения. М., 1979. С. 49–50; *Веселовский С.Б.* Ономастикон: древнерусские имена, прозвища и фамилии. М., 1974. С. 53–54; *Кюрюшнова И.А.* Словарь некалендарных личных имён, прозвищ и фамильных прозваний Северо-Западной Руси XV–XVII в. СПб., 2010. С. 70.

⁴⁵ Словарь русских народных говоров. Вып. 3. Л., 1968. С. 268–269.

⁴⁶ *Срезневский И.И.* Материалы для словаря древнерусского языка. Т. 1. СПб., 1893. Стб. 193; Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 1. М., 1975. С. 353 (здесь же предположительно — вид

Искомый Булгак должен быть связан с той частью Великого княжества Рязанского, в которой локализуется его монастырь. Согласно завещанию рязанского великого князя Василия Ивановича (ум. в 1483 г.) княжество разделили между собой двое его сыновей. Старший, Иван, стал великим князем, правил в Переяславле, Ростиславле и Пронске. Младшему, Фёдору, достались Перевицк, Старая Рязань и треть Переяславля (отчего он и именуется в литературе «третним») ⁴⁷. Раздел между братьями оформился в 1496 г., когда была подписана их договорная грамота ⁴⁸.

Установлению административной принадлежности Булгакова монастыря на рубеже XV–XVI вв. могла бы помочь карта, составленная А.В. Дедуком ⁴⁹. Но, к сожалению, она не является надёжным пособием, поскольку в её основе лежит спорная интерпретация договорной грамоты 1496 г. Кроме того, карта вызывает сомнения в полноте и точности. Во-первых, братья-князья не являлись единственными землевладельцами в Великом княжестве Рязанском. В 1496 г. была жива великая княгиня-мать Анна Васильевна (ум. в 1501 г.). Ей принадлежала «до живота» четверть великого княжества (по ¼ из владений каждого сына). Крупными вотчинниками являлись Рязанская епископская кафедра и монастыри. Во владычные и монастырские земли братья обязывались «не вступатися». Размежевание с этими вотчинниками должно было решаться за пределами договора между сыновьями Василия Ивановича ⁵⁰. Во-вторых, договор 1496 г. предусматривал раздел не только территорий, но и промысловых угодий, в первую очередь рыбных ловель и бортных ухожеев. Они могли располагаться как на территории владений одного из братьев, так и за её пределами, представляя собой сервитуты. В этой связи фраза грамоты о принадлежавшем князю Фёдору «в Дону реце жеребьи» отнюдь не требует помечать *территории* по течению рек Дон и Воронеж в пределах великокняжеской вотчины как общее владение братьев. Речь здесь, несомненно, идёт о рыбных ловлях на Дону.

Бортные ухожеи разделялись на «укольные» и «судеревные». В первом случае объектом собственности был сам лесной участок со всеми находящимися в нём бортными деревьями. Во втором — объектом собственности (сервитутом) выступало отдельное бортное дерево или их совокупность; такие ухожеи вперемежку («судеревь») располагались на лесном участке, принадлежавшем иному владельцу. Деревья различались по нанесённым на них «бортным знамёнам», знакам того или иного бортника. В грамоте 1496 г. фигурируют судеревные ухожеи: «А в лесе ходити великого князя людем, и княжим Феодоровым, и владычным, и боярским все свои оухожаи по старине»; «А по судеревным знаменам суд вопчеи». Упомянуты бортники князя Фёдора «в Вороножи

оружия); Гістарычны слоўнік беларускай мовы. Вып. 2. Мінск, 1983. С. 247; Словарь обиходного русского языка Московской Руси XVI–XVII веков. Вып. 1. СПб., 2004. С. 303.

⁴⁷ Следует отметить, что отец князя Фёдора Василий Иванович также именовался «третним», а брат Иван Васильевич — «великим князем рязанским большия области третним» (*Экземплярский А.В.* Великие и удельные князья Северной Руси в татарский период с 1238 по 1505 г. Т. 2. СПб., 1891. С. 601, примеч. 1926; АСЭИ. Т. III. № 343. С. 369).

⁴⁸ ДДГ. № 84. С. 332–341.

⁴⁹ *Дедук А.В.* Московско-рязанское порубежье XIV–XVI в.: методика локализации. Дис. ... канд. ист. наук. Т. 2. М., 2018. С. 509, рис. 19 («Раздел Рязанского княжества между Иваном и Фёдором Васильевичами»).

⁵⁰ См. разъезжие грамоты князя Фёдора с владениями епископской кафедры и Ольгова монастыря: АСЭИ. Т. III. № 320. С. 348–349; № 323а. С. 353.

в Верхнем и Тешов весь». В первом случае речь должна идти о судеревных ухожеях, во втором, вероятно — об укольных. Эти упоминания дали основания Дедуку отнести к уделу князя Фёдора обширные земли по среднему и нижнему течению рек Польной Воронеж, Лесной Воронеж, Становая Ряса и Ягодная Ряса, а также территорию по течению Дона, где автор локализовал упомянутый в грамоте Тешов (Тешев).

Полагаем, что в первом случае речь идёт не о гидрониме, а об ойкониме: село Воронежские Верхи, «Новоспасское тож», примыкало к Старорязанскому стану, вотчине князя Фёдора, и, конечно, тянувшие к этому селу угодья не были столь обширны, как это представлено на карте⁵¹. Тешев, помещаемый автором на Дону, в Елецком уезде на территории современного г. Задонска, соотносится с упоминаемыми здесь в XVI–XVII вв. Тишевским лесом и Тешевским / Тешевым монастырём. Между тем этот топоним не уникален. На территории Старорязанского стана находятся Тешино, «Варанша тож», Тешиво болото, в Окологородном стане — Тюшевские Зименки. Вероятно, это допускает различные варианты локализации Тешева в грамоте 1496 г. Для нас же важно установить владельческую принадлежность той части Рязанского княжества, где локализуется Булгаков монастырь.

Судя по карте, монастырь располагался в пределах «Корабугинского уезда», помеченного как совместное владение братьев-князей. К этому уезду с юга примыкает Бовыкино (также общее владение), а с севера — Пластиков, входивший в вотчину великого князя Ивана. «Корабугинский» (Карабугинский) уезд понимается Дедуком в довольно позднем значении — как обширная территория вокруг уездного центра, города. Судя по масштабу карты, Карабугинский уезд протянулся не менее чем на 90 км между реками Рановой и Цной. И.А. Голубцов отмечал, что «термин “уезд” в рассматриваемых (рязанских. — *Авт.*) грамотах имеет значение очень небольшой округи — сельской, м[ожет] б[ыть], волостной»⁵². Как «сельские округа, примыкавшие к какому-либо более или менее значительному населённому пункту», понимает *уезды* рязанских грамот и С.М. Каштанов. Он отметил, что до середины XV в. в рязанских грамотах термин «уезд» понимался как «разъезд», «размежевание», а в актах второй половины XV в. (возможно, и в грамоте 1496 г.) просто как «владение»⁵³. В связи с этим очень сомнительно, что Карабугинский уезд выходил за межи села Карабухино, указанные в Плане Генерального размежевания. Пластиково («Пластиков»), с которым Карабугинский «уезд» граничил с севера, и Бовыкино, примыкавшее к Карабугину с юга, представлены на карте как не менее обширные уезды или волости.

Взаиморасположение этих вовсе не крупных территориальных единиц следовало бы указать на карте иначе. Они должны располагаться не по линии север—юг, а по линии юго-запад—северо-восток. На западе от Карабухино находилась небольшая пустошь Бовыкино на реке Паре, при великом князе Фёдоре Ольговиче (1402–1427) её получил в вотчину Солотчинский монастырь⁵⁴. Очевидно, на территории Бовыкина «судеревно» промышляли не только монастырские, но и великокняжеские бортники, а также бортники «третного» кня-

⁵¹ Село существует в наше время, относится к Ухоловскому району Рязанской обл.

⁵² АСЭИ. Т. III. № 314. С. 346, примеч. 10.

⁵³ Каштанов С.М. Из истории русского средневекового источника (Акты X–XVI вв.). М., 1996. С. 102–104.

⁵⁴ АСЭИ. Т. III. № 327. С. 355.

зя. В Карабугинском «уезде» действовали бортники обоих братьев-князей. Но, поскольку Карабугино относилось к Старорязанскому стану, оно должно было входить в удел князя Фёдора. В Пластикове, примыкавшем к Карабугину с востока, грамота 1496 г. отмечает только великокняжеских бортников, в Старорязанский стан оно не входило. Достаточно ли этого, чтобы отметить Пластиковский «уезд» как владение великого князя? Вероятно, нет — ведь он мог владеть здесь и угодьями-сервитутами. Фиксация прав великого князя в отношении своих бортных угодьев в Пластикове была бы неуместной, если бы этот «уезд» целиком, со всеми угодьями, входил в его вотчину. В любом случае и Пластиков не следует интерпретировать как крупную территориальную единицу⁵⁵.

В целом Старорязанская вотчина князя Фёдора Васильевича, за вычетом вотчины великой княгини-матери, владычных и монастырских владений, должна была совпадать в своих границах с будущим Старорязанским станом. Таким образом, Булгаков монастырь конца XV — начала XVI в. локализуется в границах удела «третнего» князя Фёдора Васильевича. Это даёт очевидную подсказку о личности его ктитора. Им был боярин и дворецкий князя Матвей Денисьевич Булгак.

* * *

Матвей Булгак — сын Денисия Юрьевича, боярина рязанских великих князей Василия Ивановича и Ивана Васильевича⁵⁶, внук Юрия Константиновича, чашника великого князя Ивана Фёдоровича⁵⁷. Дядья и братья Булгака также занимали высокое положение в среде рязанского боярства⁵⁸. О происхождении

⁵⁵ А.В. Дедук считает «Пластиков» волостью Мещерского уезда, отсылая к грамоте 1557 г., в которой она якобы упоминается (*Дедук А.В. Московско-рязанское порубежье...* Т. 1. С. 314). Однако в этой грамоте речь идёт не о Пластиковской, а о Толстиковской волости с центром в дворцовом селе Толстиковском. В первой публикации этой грамоты (*Староградский В.И. Описание делам Шацкого архива // Известия Тамбовской учёной архивной комиссии. Вып. 23. Тамбов, 1889. С. 101*) была допущена ошибка, воспроизведённая затем и в Хронологическом перечне иммунитетных грамот (*Каишанов С.М., Назаров В.Д., Флоря Б.Н. Хронологический перечень иммунитетных грамот XVI века. Ч. 3 // Археографический ежегодник за 1966 год. М., 1968. № I-340. С. 234*). В последующих публикациях грамоты приведено верное чтение (*Антонов А.В. Акты служилых татар 1527–1609 годов // Русский дипломатарий. Вып. 7. М., 2001. № 7. С. 224; Акты служилых землевладельцев XV — начала XVII века / Сост. А.В. Антонов. Т. III. М., 2002. № 230. С. 188*).

⁵⁶ АСЭИ. Т. III. № 364. С. 386; № 366. С. 387; Акты светского феодального землевладения Великого княжества Рязанского XV в. // Советские архивы. 1991. № 5. С. 93.

⁵⁷ АСЭИ. Т. III. № 329. С. 357; № 353. С. 378.

⁵⁸ Дядя Булгака Фёдор Юрьевич — чашник при Иване Фёдоровиче, боярин при великом князе Василии Ивановиче (АСЭИ. Т. III. № 328. С. 356; № 354. С. 379; № 364. С. 386; Акты светского феодального землевладения Великого княжества Рязанского... № 1, 2. С. 93). Другой дядя — Назарий Юрьевич был судьёй от московского великого князя Василия Васильевича во время его опеки над Рязанью (Источники по истории феодального землевладения Великого княжества Рязанского в XV в. // Советские архивы. 1987. № 1. С. 68), затем боярином рязанского великого князя Василия Ивановича в 1464–1482 гг. (АСЭИ. Т. III. № 387. С. 365; № 355. С. 379; № 364. С. 386). Брат Булгака Фёдор Денисьев сын Юрьева в 1514/15 г. служил боярином у рязанской великой княгини Аграфены Ивановны, в 1516/17 г. — у великого князя Ивана Ивановича. Непрерывно упоминается в разрядах 1525/26–1533/34 гг. Погиб при осаде Стародуба в 1535 г., внесён в синодик Успенского собора (Памятники дипломатических сношений Московского государства с Крымом, нагаями и Турцией. Т. 2 // Сборник Императорского Русского исторического общества. Т. 95. СПб., 1895. С. 93; АСЭИ. Т. III. № 376. С. 393; Разрядная книга 1475–1605 гг. Т. 1. М., 1977. С. 175, 180, 181, 198, 201, 202, 215, 245; Синодик // Древняя российская вивлиофика. Ч. 6. М., 1790. С. 467). Младший брат Булгака Пётр Денисьев упоминается в разрядах 1531/32–1539/40 гг. вторым рязанским наместником (Разрядная книга 1475–1598 гг. М., 1966. С. 76; Разрядная книга 1475–1605 гг. Т. 1. С. 225, 231, 264, 267, 290).

рода, к которому принадлежал Матвей Булгак, имеются лишь поздние и крайне недостоверные свидетельства. В родословных книгах всех редакций текст росписи Денисьевых-Булгаковых не имеет начала: «А Ивана Ивановича дети Костянтин Шаин да Прокофеи. А от Прокофья повелись Измайловы. А у Константина сын Юрья. А у Юрья Шаинова дети Федор, да Назарей, да Денисей, а были все три у великого князя Ивана Федоровича Рязанского бояря»⁵⁹. Только в конце XVII в. Измайловы сочинили начальную часть родословия. Иван Иванович также получил прозвание Шаин; оказалось, что он происходил «от племени ханска», его отца Шая в 1244/45 г. Батый поставил наместником в Чернигове. В 1256/57 г. изгнанный из Чернигова «великими князи русскими» Шая крестился под именем Иван и перешёл в Рязань⁶⁰. Для поддержки этой вновь сочинённой легенды Измайловы изготовили фальсификат – грамоту рязанского великого князя Олега Ингваревича «мужу честну» Ивану Шае⁶¹.

То немного, что известно о Матвее Денисьевиче Булгаке Юрьеве, показывает, что он прожил очень насыщенную жизнь и оказался в центре событий, связанных с присоединением Великого княжества Рязанского к Москве. При разделе Рязанского княжества между братьями Иваном и Фёдором Васильевичами отец Матвея Булгака остался при великокняжеском дворе, а сам он перешёл в «третний» удел, где, не обходя по службе старших родственников, мог рассчитывать на успешную карьеру. Матвей Булгак значится в актах боярином и дворецким рязанского князя Фёдора Васильевича Третного, т.е. он действительно стал наиболее крупной фигурой при его дворе. В 1498 г. Булгак разъезжал земли своего князя с перевицкими владениями Рязанского архирейского дома⁶². Около того же времени он межевал угоды бортников князя Фёдора Васильевича и Ольгова монастыря⁶³. В 1501 г. по приказу московского великого князя Ивана III князь Фёдор должен был послать Матвея Булгака Денисьева на улусы царя Шиг-Ахмата⁶⁴.

При всей многочисленности Булгаков и Булгаковых названия Булгаковой слободки в Перевицком стане⁶⁵ и Булгакова монастыря в Старорязанском в пределах «третного» удела следует связывать именно с Матвеем Булгаком. Очевидно, это вотчины, пожалованные Булгаку его государем, князем Фёдором Васильевичем. Между декабрём 1502 и 16 июня 1504 г.⁶⁶ князь Фёдор скончался в молодом возрасте⁶⁷ и, в нарушение своего договора с братом (тот умер в 1500 г.), завещал свой удел не племяннику, малолетнему князю Ивану Ивановичу, а дяде по матери, московскому великому князю Ивану III.

⁵⁹ Памятники истории русского служилого сословия. М., 2011. С. 132.

⁶⁰ Лихачёв Н.П. Разрядные дьяки XVI в. СПб., 1888. С. 354–355, примеч. 1.

⁶¹ Дедук А.В. Грамоты «великого» князя Олега Ингваревича Ивану Шае // Вестник РГГУ. Сер. Литературоведение. Языкознание. Культурология. 2015. № 9. С. 55–62.

⁶² АСЭИ. Т. III. № 320. С. 348.

⁶³ Там же. № 323а. С. 353.

⁶⁴ Разрядная книга 1475–1598 гг. С. 32.

⁶⁵ Писцовые книги Рязанского края... Т. 1. Вып. 1. С. 177.

⁶⁶ Разрядная книга 1475–1598 гг. С. 35; ДДГ. № 89. С. 357–358.

⁶⁷ Князь Фёдор родился после 1467 г. (это – год рождения его старшего брата) и до 1483 г. (год смерти отца). В декабре 1492 г. он возглавил московское войско в походе на Мезецк и Серпейск (Разрядная книга 1475–1605 гг. Т. 1. С. 33) – даже если это назначение являлось номинальным, можно предположить, что к этому времени он уже достиг хотя бы 12–16 лет. Таким образом, на момент смерти ему было от 20 до 36 лет.

При московском дворе Матвей Булгак, конечно, не мог ждать положения, хоть как-то сопоставимого с прежним. Он предпочёл службу удельному князю Семёну Ивановичу (княжил в Бежецком Верхе, Калуге и Козельске). В 1506/07 г. «Булгак Денисьев», будучи воеводой князя Семёна, посылался в Белёв⁶⁸. С переходом в удел Булгак, по всей видимости, лишился своих вотчин в Перевицке и Старой Рязани. На службе у князя Семёна Ивановича он долго не пробыл и уже в сентябре 1508 г. служил у рязанской великой княгини-регентши Аграфены Ивановны; «с Рязани велел князь великий (Василий III. — *Авт.*) великой княгине послати с нагаи, проводити их до украины Якова Назарьева или Булгака Денисьева»⁶⁹.

Служба Матвея Денисьева при рязанском великокняжеском дворе тоже оказалась кратковременной, к 1510 г. он отъехал в Великое княжество Литовское. Его имя фигурирует в списке «смольнян», получавших денежное и натуральное жалованье из казны: «Пану Бульгаку Денисовичу с Резани 14 локот аксамиту гладкого, а 2 поставы сукна махальского [с] скарбу»⁷⁰. Список не имеет даты. Он находится в составе «Книги реестров отправах времени Сигизмунда I» за октябрь 1506 г. — 7 ноября 1510 г.⁷¹ и помещён между документами, относящимися к маю—сентябрю 1510 г. В этом лаконичном известии Матвей Булгак именуется «паном», что говорит о признании за ним привилегированного статуса и в Литве. Более в документах Литовской метрики имя Булгака Денисьева не встречается. Следует полагать, что его, так и не добившегося от Сигизмунда I Старого какого-либо земельного пожалования, причислили к служилой корпорации «смольнян» лишь формально, и в пределах Великого княжества Литовского он надолго не задержался. Возможно, это было собственным решением Булгака, но тут следует вспомнить о событиях, развернувшихся вокруг Смоленска осенью 1512 — летом 1514 г. и завершившихся сдачей города войскам Василия III.

В первые два десятилетия XVI в. Булгак, как будто оправдывая своё прозвание («беспокойный»), сменил пять государей. В 1521 г. он вновь служил в Рязани, но не у рязанского, а у московского великого князя — состоял при рязанском наместнике Василия III Иване Васильевиче Хабаре-Симском. Вместе с братом Фёдором Булгак участвовал в обороне Рязани от Мухаммед-Гирея⁷². Это его последнее прижизненное упоминание. В 1521 г. рязанский великий князь Иван Иванович, сопровождаемый несколькими детьми боярскими, бежал в Литву, что положило конец истории Рязанского княжества. Играл ли в этом какую-то роль Булгак, неизвестно. Между 1573 и 1578 гг. его сын Фёдор дал крупный вклад в Троице-Сергиев монастырь, по которому следовало поминать, среди прочих, отца Матфея и мать Агрену (в схимницах Ефросинью)⁷³.

Матвей Денисьевич Булгак оставил по себе не менее шестерых сыновей⁷⁴. Никто из них не владел вотчинами в Старорязанском и Перевицком ста-

⁶⁸ Разрядная книга 1475—1605 гг. Т. 1. С. 98.

⁶⁹ Памятники дипломатических сношений... Т. 2. С. 18.

⁷⁰ Lietuvos Metrika. Knyga Nr. 8... № 575. P. 425.

⁷¹ *Бережков Н. Г.* Литовская метрика как исторический источник. Ч. 1. М.; Л., 1946. С. 146.

⁷² Разрядная книга 1475—1605 гг. Т. 1. С. 175, 180, 181.

⁷³ ОР РГБ, ф. 303.1, кн. 521, л. 205 об.—207 об.; Вкладная книга Троице-Сергиева монастыря / Подгот. Е. Н. Клитина и др. М., 1987. С. 108.

⁷⁴ К указанным в родословцах Ивану большому, Фёдору большому, Михаилу, Фёдору меньшому, Ивану меньшому и Юрию следует, вероятно, добавить Григория и Бориса. В 1500 г. упо-

нах. Предположим, что конфискация его владений здесь пришлась на 1503–1506/07 гг., когда он ушёл служить в удел. Вотчины Булгака в Окологородном, Кобыльском и Моржевском станах, унаследованные позднее его сыновьями и внуками⁷⁵, могли быть получены в период его службы московскому великому князю, т.е. между 1510 и 1521 гг.

* * *

Связывая Булгаков монастырь с Матвеем Булгаком, датой основания обители следует считать период 1483–1503 гг., когда Булгак служил в уделе князя Фёдора Васильевича⁷⁶. После того как монастырь утратил покровительство своего ктитора, перспектива развиться до значимой обители исчезла. Вотчины Булгака в Перевицке и Старой Рязани конфисковали, а затем раздали в поместья. К 1594–1597 гг. деревня Булгаков Монастырь принадлежала вдове Ульяне Ильиной жене Шестакова и её сыновьям Обиде, Прокуде, Степанку и Алешке⁷⁷ (по другим источникам известна дочь Марья).

К концу 1620-х гг. Булгаков Монастырь оказался разделённым на жеребьи. Один из них принадлежал сыновьям, дочерям и сестре Алексея Шестакова. Описание их поместья представляет значительный интерес: «За Тихоном да за Федотом Алексеевыми детми Шестакова, да за теткою их за девкою за Марьицою, да за сестрами их за девками за Дарьицею да за Анюткою по государеве ввозной грамоте за приписью дьяка Венедикта Махова 7134-го [1625/26] году отца их поместье, жеребеи села Булгаковского Монастыря на речке на Инокше. А в ней церковь Успение Пречистые Богородицы древена клетцки. А церковь и всякое церковное строенье мирских людей. У церкви ж церковных дворов, (д)⁷⁸ попа Родиона, а в нем дети ево, дьячки церковные Ивашко да Кленка, да Самошка, (в кел) понамарь Игнашко Семенов, (в кел) просвирица Прасковьица, да нищии питаютца о[т] церкви Божии, (в кел) Ивашко Семенов, да (д) пуст. Пашни церковной нет, отведена земля с образом⁷⁹. В селе ж на их жеребеи (д) помещиков пуст да бобыльских дворов: (в) Дорофеико Семенов с племянником с Васкою Федотовым, (в) бобылка вдова Парасковьица з зятем с Ывашкою Григорьевым. Пашни паханые четверик, да перелогу дватцать

минается Григорий (Гришка, Гривка) Матвеев Денисьев (Свадьба князя Василия Даниловича Холмского // Древняя российская вивлиофика. Ч. 13. М., 1790. С. 4). П.В. Долгоруков считал его принадлежавшим к роду Денисьевых-москвичей, а не рязанцев, но именовал его Григорием Михайловичем (*Долгоруков П.В.* Российская родословная книга. Ч. 4. СПб., 1857. С. 387). В разряде 1537 г. упоминаются «в головах для посылок... Борис, да Иван, да Федор Булгаковы дети Денисьевы» (Разрядная книга 1475–1605 гг. Т. 1. С. 274) — явно старшие сыновья Булгака.

⁷⁵ Книги приправочные Поликарпа Давыдова да подьячего Понкрата Бобанина 124 года Рязанского уезда Моржевского да Кобыльского стану // Временник Московского общества истории и древностей российских. 1852. Кн. 13. Отд. II. Материалы. С. 55; Писцовые книги Рязанского края... Т. 1. Вып. 1. С. 11, 36, 210, 225; Т. 1. Вып. 2. Рязань, 1900. С. 660; *Анпилогов Г.Н.* Рязанская писцовая приправочная книга конца XVI века. М., 1982. С. 170, 171, 173–175, 178, 189, 233.

⁷⁶ Старшая дата здесь условна: неизвестно, когда именно князь Фёдор Васильевич реально получил свой двор и удел — сразу после смерти отца в 1483 г., по достижении совершеннолетия или по иному поводу.

⁷⁷ Писцовые книги Рязанского края... Т. 1. Вып. 1. С. 245 (РГАДА, ф. 1209, оп. 1, кн. 396, л. 750 об.).

⁷⁸ В цитате воспроизводятся идеограммы рукописи: (д) — двор; (в кел) — в келье; (в) — во дворе; (м) — место.

⁷⁹ Так в рукописи.

шесть чети с полуосминою и четвериком, да лесом поросло сорок чети в поле, а в дву по тому ж. Сена по речке по Инокши пятьдесят копен, да за речкою за Инокшею Страстеное болото четыре десятины, угодья по обе стороны речки Инокши вдоль по полю на версту, лесу Присадного за речку за Инокшу по Дьякову, а за Дьякову вопче с корабугинскими. Жеребеи в пустоше в Мясневе на речке на Инокши, на их жеребеи четыре (м) дворовых вопче з Данилом да Ъваном Короваевыми. Пашни перелогу семнатцать чети, да лесом поросло дватцать чети в поле, а в дву по тому ж, сена сто копен. Да к той же пустоши Маснове за речкою за Инокшею поляна Маснева, в неи пашни перелогу пять десятин, а четвертной пашни десять чети в поле, а в дву по тому ж. И всего за ними в поместье жеребеи села да жеребеи пустоши, да поляна, на их жеребеи (д) помещиков, два (д) бобыльских, людеи в них четыре человека, четыре (м) дворовых, пашни паханые и перелогу, и лесом поросло добрые земли сто тринадцать чети с осминою в поле, а в дву по тому ж, сена сто пятьдесят копен, лес вопче»⁸⁰.

Здесь привлекает внимание указание престольного номинатора – посвящения храма, ставшего уже на момент описания приходским. Следовательно, монастырь был также посвящён Успению Богородицы. Возможно, от времени существования обители сохранились и отмеченные в писцовой книге строения – два двора и три кельи.

В 1646/47 г. жеребьем Шестаковых владел Федот Алексеев сын. В это время в Булгакове Монастыре всё ещё числились два бобыльских двора, в которых жили шесть человек, а церковь, церковные двory и кельи не упоминаются. Ф.А. Шестаков по своей воле опустошил принадлежавшее ему поселение: «Он с той земли от воровства от лихих людей свел де крестьян своих на время в село Волковое на помесную землю Ивана Михайлова сына Большова Каравая»⁸¹. В 1672 г. Булгаков Монастырь отказали в поместье Фёдору, Ивану и Григорию Федотовым детям Шестаковым. В то время он значился сельцом, но крестьяне и бобыли здесь уже не проживали. В документах отмечены два «беглых крестьянских дворовых пустых места»⁸².

Шестаковы не показали сколько-нибудь заметных успехов по службе, и проследить историю этого рода в первой половине XVIII в. затруднительно. К Генеральному межеванию пустошью Булгаковой владели представители рода Гурьевых (вдова Аграфена Кононова дочь с детьми, гвардии прапорщиком Николаем и девицей Натальей Любимовыми, гвардии капитан-поручик Иван и девица Матрёна Селиверстовы дети), бригадир Сергей Михайлович Лунин и коллежский ассессор Фёдор Ефимов сын Алеев. Эти лица также не оставили заметного следа в истории, за исключением разве что С.М. Лунина, отца декабриста Михаила Сергеевича (1787–1845)⁸³.

⁸⁰ РГАДА, ф. 1209, оп. 1, кн. 408, л. 784–786. Второй жеребей Булгакова Монастыря в 1639 г. дали в поместье рязанцу Петру Андрееву сыну Чулкову. На его долю приходилось: в Булгакове Монастыре – один пустой двор, два пустых дворовых места, в пустоши Масневой – одно пустое дворовое место (Там же, оп. 2, ч. 1, д. 13371, л. 252–254). В 1673 г. этот жеребей, принадлежавший к тому времени Аксинье Петровой жене Чулковой, был отдан в поместье её внукам Фёдору, Ивану и Григорию Федотовым детям Шестаковым (Там же, д. 13395, л. 65. Документ ветхий и для работы не выдаётся, известен нам по описи).

⁸¹ Там же, оп. 1, кн. 414, л. 522 об.–523.

⁸² Там же, оп. 2, ч. 1, д. 13394, л. 520–523.

⁸³ *Эйдельман Н.* Лунин. М., 1970. С. 14–16.

Недолгая история Булгакова монастыря видится следующей. Монастырь был основан в конце XV – начале XVI в. в «третном» уделе князя Фёдора Васильевича на землях, пожалованных в вотчину его боярину Матвею Денисьевичу Булгаку. Его высокое положение при дворе молодого князя, уверенность в продолжении своего рода через шестерых (а скорее – восьмерых) сыновей предполагали долгую жизнь этой родовой обители. Неожиданная, судя по всему, кончина князя Фёдора и ликвидация его удела заставила Булгака искать удачи при других дворах, а его вотчины в пределах Старорязанского и Перевицкого станов были конфискованы московским великим князем и пошли в поместную раздачу. Основанный Булгаком монастырь был сначала обращён в приходскую церковь, а затем и вовсе исчез, став поместной пустошью. Это полностью соответствует модели деградации вотчинных монастырей, описанной С.Б. Веселовским. Но судьба Булгакова монастыря, как и судьба его ктитора, были непосредственно связаны с масштабными политическими процессами объединения русских земель вокруг Москвы.

Проведённое исследование показывает, что единичные упоминания в литературе вотчинных монастырей не исчерпывают всего объёма этого феномена – судя по всему, они были широко распространены и многочисленны. Вероятно, в массе своей они разделили судьбу вотчин, частью которых являлись. История возникновения, развития или упадка вотчинных монастырей заслуживает дальнейшего изучения.